Текст · 19 сентября 2022, 07:47
Андрей Семенов,

«Нас никто живыми не отпустит из этой "специальной операции" России». Рассказ мобилизованного учителя из ДНР

Звонок с работы и военкомат. «Поняли, что это конец»

В так называемую армию я попал 23 февраля, как все говорят, «добровольно». Я ведь сам пришел на призывной пункт, который находился в местном ДК.

Как это было. После объявления [главой самопровозглашенной ДНР Денисом] Пушилиным 19 февраля всеобщей мобилизации все были шокированы. Утром в понедельник 21-го мы с коллегой — потом он стал боевым товарищем — пошли на работу, чтобы написать, как нам сказали, объяснительную об отказе от эвакуации. Это само по себе было абсурдом, потому что уже с 18 февраля мужчин призывного возраста не выпускали за пределы ДНР. Придя на работу и спросив у директора, нужно ли писать эту бумагу, получил утвердительный ответ. Там указал максимально идиотскую причину, почему я не выехал: написал, что по религиозным причинам. Тогда мне ничего лучше в голову не пришло.

Во вторник на работу решил не идти, хотя тогда заставляли ходить. Уже вечером позвал к себе своего коллегу, чтобы под бокальчик пива

выработать дальнейшую стратегию наших действий. Мы с товарищем договорились не брать трубки с неизвестных номеров, но в тот вечер позвонила коллега. Не нужно было, конечно, брать трубку.

Меня уведомили, что нужно явиться в ДК в половину седьмого утра для того, чтобы просто отметиться. Настолько это был тупой развод, на который мы повелись. Во время звонка также были угрозы об уголовной ответственности за отказ прибыть на место. Еще эти суки сказали, что мы должны отзваниваться администрации о прибытии и дальнейших действиях. Подали почти всех мужчин, которых у нас можно посчитать на пальцах одной руки, в списки.

Утром 23 февраля мне позвонил коллега, в будущем сослуживец, мы вместе собирались идти. Придя на пункт сбора, долго стояли у входа, пока решались зайти внутрь. Поняли, что это конец.

Обучение. «Выдали оружие и остальное советское барахло»

Я был в республиканской гвардии[1] в 2017 году, после расставания с девушкой — решил забыться и уйти служить. Этот опыт работы с оружием помог мне выжить и научить многих. Потому что, по моим наблюдениям, более 90% прибывших людей этот калаш видели только по телевизору или через экран монитора.

Люди вообще не понимали, куда попали. Например, что такое построение, строевая подготовка и так

далее. Типичный сослуживец: мужчина старше сорока, среднего достатка, в жизни добился своего предела. Дом, семья, работа, увлечения. Многих же забрали с предприятия. Никто тогда не рассказывал о последствиях, что предстоит пережить. Запугивали статьей на работе, что обязан пойти — и все.

Нам первый раз выдали оружие и все остальное советское военное барахло со складов на заброшенной шахте в районе городка Моспино — это был перевалочный пункт, где формировали нас как батальоны. Там были на скорую руку сбиты шхонки из палетов, только одноярусные и одноместные, на которых мы спали «валетом».

Патроны раздали на Стыле[2] в начале марта. Везли туда нас очень долго в муниципальных автобусах, если память не подводит, то часов восемь-девять, хотя это село находится в 35 километрах. Первый «штурм» террикона произошел 8 марта. Было весело и смешно. По 12 патронов отстреляно было в террикон. После этого славного подвига нас погрузили в муниципальные автобусы и повезли в неизвестность.

И в бой. «Просто вперед с автоматом в руках»

Мы зачищали село за селом под Мариуполем. Укры были везде. Заходили мы с восточной стороны города. Приходилось заходить в жилые кварталы, город большой. Как происходит штурм? Просто вперед с автоматом в руках, без карты: показали здания и направление, где предположительно находился враг.

Мне запомнился штурм промзоны возле «Азовстали». Частный сектор, в котором продолжали жить местные, вперемежку со складами, ангарами. Видел места, похожие на декорации к военному фильму. За все это время, после Стылы, выстрелял максимум несколько патронов, потому что враг тактично отходил к линии обороны на заводе.

Огрызались до последнего, даже находясь в самом заводе «Азовсталь». У них, наверное, была идея и понимание, за что они воюют, в отличие от нас, которые воевали, чтобы выжить. А может, это все действие наркотиков. Некоторые попадавшие к нам украинские пленные зачастую говорили, что они повара или водители, чтобы на месте их не расстреляли.

Не все, кто там воевал, нацисты, были и такие же, как мы, нашивки у них были тербатов, много документов находил на поле боя, изучал и думал: а ведь они тоже когда-то были детьми.

Офицеры. «Только могли, что пить, заливая свой страх и свою никчемность»

Наши офицеры были такие же мобилизованные. Относились они к нам как к зэкам. У российских кураторов к нам отношение было не лучше, а то и хуже. Всяческие унижения человеческого достоинства, чести и тому подобное. В чем мы виноваты? До сих пор этого не понимаю.

Вот образ типичного командира: представьте типичного алкоголика, на вид ему за пятьдесят, но по паспорту не больше сорока. Примерный семьянин, наверное. Дом, работа, и тут на него навалилась ответственность, с которой он не может справиться потому, что нет образования толком.

Когда необразованным людям дается власть просто так, они не знают, что с ней делать, и пытаются доказать свою значимость на фоне остальных. Потом такие будут рассказывать, как они брали Берлин, а на самом деле душонка-то у них слабая, только могли, что пить вечно, заливая свой страх и свою никчемность. Так и происходил отбор на командные должности у нас — пальцем в список.

Отношение местных. «Вечные претензии, что мы виноваты»

К мирному населению у нас было отношение как со своими — в отличие от них. Вечные претензии, что мы виноваты.

Мы свою «вину» искупали своими харчами, тем, что у нас было. Лично отдавал свою банку тушенки этим дармоедам, за воду уже молчу. Люди думали, что война длится у них два месяца — у нас же война длилась восемь лет. Мы им обязаны чем-то, мы виноваты! Хотя, когда я начинал говорить, что меня призвали и наебали, такое ощущение, что не слышат.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Был случай, уже перед нашим заходом в «Азовсталь». Мы зашли на позиции возле завода. Пришла бабка,

просит похоронить соседку. Я передал распоряжение в штаб, сами мы не имели права этим заниматься. Что было дальше, не знаю. Своих ребят предупредил, что нужно поработать, никто не был против.

Относились к мирным жителям как к себе, со всей душой, потому что мы чувствовали себя не захватчиками и не освободителями, а заложниками. Они к нам относились больше как к захватчикам. Много историй выслушал о погибших от боевых действий родственниках. Но никто в лицо о захватчиках не сказал, наверное, потому что за спиной у нас были автоматы.

Но и против укров ничего плохого не слышал. Не понимаю этих жителей, сам видел, где находились позиции укров и что они творили, мне кажется, это стокгольмский синдром.

О руинах Мариуполя. «От города осталось только название»

Вот правильно сказано — руины. Сталинград. От города осталось только название, когда его заново отстроят, его уже нельзя, наверное, будет узнать, все разрушено. Такое нельзя описать словами, осталось множество видео разрушений. Это нельзя ни с чем сравнить.

Думаю, не стоило это стольких смертей и разрушенных судеб. Наверное, это было дело принципа, чтобы город был в составе ДНР. Но хочу сказать, что мариупольцы жили без ДНР очень даже хорошо, намного лучше, чем мы эти восемь лет.

О военных из России. «Когда россияне уходили с позиций, мы собирали остатки сухпайков»

У меня остались плохие впечатления от российских военных. Дверь, что можно вынести с ноги, они выбивали из танка. Были случаи, что они накрывали наши позиции, потому что не знали, что мы там есть. Уже потом в ЛНР пообщался с контрактником и спросил, за что он воюет — тот ответил, что поначалу не понимал, потом ему объяснили, что он воюет за детей Донбасса. Видел бурятов, прирожденные водители гусеничной техники. «Чехи», такое ощущение, что с гор спустились, за что они воевали, не знаю, могу только предположить, что за Кадырова.

Помню людей из «оркестра»[3]. Хорохорились, что сейчас щепки полетят, проходит десять минут — бегут обратно к нам, чтобы мы заняли круговую оборону, потому что противник пошел в прорыв.

Российскую армию снабжали всем. Нас они не кормили, один раз только мне удалось выклянчить у них армейский сухпай, который я разделил со всей ротой, а им давали такое каждый день. Был случай, нашел брикет армейский, при кораблекрушении его используют, похож на маргарин внешне, на вкус как

мыло с орехами. Так у меня его украли, даже знаю кто из россиян.

В основном еды у нас не было, как и воды. И после того как россияне уходили с позиций, мы бежали и собирали выброшенные остатки из сухпайков.

Питание. «Еду добывали сами, подбирали»

Нас редко кормили, в основном еду добывали сами, подбирали. В общем, выживали, как могли. Бывало так, что привезут много хлеба, бывало наоборот. Бывало, и с плесенью. Хлеб делили в равных долях. Например, выдали нам две буханки почти на 30 человек, вот и посчитайте, сколько кому достанется. С тушенкой такая же история. Банка на двоих. Помимо этого, выдавали баночку сардин, естественно, на двоих.

Воды почти не было. Полуторалитровая бутылка как минимум на четверых. Иногда были случаи мордобоя за этот ценный ресурс. В остатках российских сухпайков находили таблетки для обеззараживания воды. Одна таблетка на литр и подождать полчаса. Так мы собирали дождевую воду, в заводских в Мариуполе цехах были резервуары, потом, помню, пили воду из отстойника, за забором текла река Кальмиус, но добраться до воды было невозможно из-за того, что работали снайпера.

Быт. «Нижнее белье легче выбросить, чем стирать»

Личная гигиена свелась к нулю. За все время на переднем крае мне удалось помыться несколько раз. Чистоту тела поддерживал влажными салфетками, о чистке зубов пришлось забыть. Благо с нами воевал стоматолог, обменялся контактами, будет чуть спокойнее — потом обязательно пойду и проведу полную чистку зубов.

Стирка. Это вообще нечто сверхъестественное. Нижнее белье стало расходным материалом, который легче выбросить, чем стирать. Там больше нас интересовало, как просушить вещи. Носки в берцах и, соответственно, ноги вечно были мокрые. Костры разжигать нельзя по объективным причинам.

Ну а сон — о нем пришлось забыть. Постоянные дежурства каждые два часа, от твоего бодрствования зависела твоя жизнь и жизни ребят. Спали на всем, что лежит, иногда сидя, но всегда в обнимку с автоматом. Под голову мог положить каску, иногда спал на бронежилете, но это уже под конец операции в Мариуполе, когда было более-менее тихо.

Никакой медпомощи на передовой не оказывалось. Максимум — это вызвать по рации машину для эвакуации. Первую медпомощь мы оказывали сами, там вопрос жизни и смерти решался за несколько минут. У всех нас в карманах был жгут и ИПП[4].

, принцип, думаю, не буду описывать. Постоянный кашель от сырости мы никак не лечили, иногда находили трофейные таблетки — это все, что у нас было из препаратов.

О мародерстве. «Да и разве это мародерство — забрать одеяло из разрушенного дома?»

Мародерили все и везде. Да и разве это мародерство — забрать одеяло с кровати разрушенного дома? Забрал как-то подушку, представляете, у меня самого ее смародерили.

Нужно еще разобраться, кто мародер и что такое мародерство. Идет война. Сам брал трофеи, но только для выживания.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Город Мариуполь полностью разворовали, не знаю кто, только остается догадываться. Местное население тоже этим не брезговало. Идет пара, например, спросили их документы. Изучили внимательно, оказывается, они прописаны в другом районе, на вопрос, куда идут, отвечают, что соседи попросили посмотреть, как там их дом. Ну а параллельно за собой тащат тележку: туда пустую, обратно уже с добром.

Еще пример. На штабе, когда выезжали из города, мы загрузили почти полную «газель» водки с украинской акцизкой, говядину в банках — яловичину[5]. Мне запомнились коробки с надписью: «Детям Донбасса от Кемеровской области». Внутри мы нашли сладости, что они делали на штабе, неизвестно. Какими масштабами грабили город люди в погонах, остается только догадываться. Война — это большие деньги.

Буква Z. «Ассоциируется с мародерством, когда на угнанных в Мариуполе машинах рисовали Z»

Первый раз увидел эту эмблему в Стыле. Никто не знал, что это означает. Промелькнула мысль, что это Зорро — возмездие. Кроме этого, еще есть *V* и *O-*. Эти символы увидел в ЛНР. Еще конспирология: у некоторых бойцов повязки были красные, у нас белые, тоже неясно почему. Неясно, что мы делали в Мариуполе и в ЛНР, когда Донецк обстреливают и сейчас.

Еще этот символ у меня ассоциируется с мародерством, когда на угнанных в Мариуполе машинах рисовали *Z* и это означало, что едут свои и останавливать не нужно. На некоторых машинах видел надписи: «Ахмат сила».

Отказники. «Поняли, что нас никто живыми не отпустит из этой "специальной операции" России»

С первых дней были случаи, что люди сбегали с оружием, сходили с ума, пытались покончить с собой.

Сослуживцы не возвращались из увольнения часто, в большинстве случаев. Я на свободе за эти месяцы был два раза. Первый раз в увольнение попал в начале мая на сутки, но в город так и не доехал, решил остаться в селе неподалеку от Мариуполя. Второй раз в начале июня, уже на двое суток.

Мне запомнился такой случай. Все мы ждали истечения 90 дней с момента призыва. И вот это время уже пришло к концу мая, нас везут в Донецк. Все рады, что пришел конец мучений. Но не тут-то было! Нас привезли в город на станцию. Командиры во все горло орут, чтобы мы садились в ржавую электричку, и сказали, что едем в ЛНР. В ту ночь в поезд не село, по моему мнению, около трети полка.

Чем это закончилось? Ничем. Их все равно привезли к нам на позиции в Попасной, и все. После этого показательного выступления у всех слетели розовые очки, все поняли, что нас никто живыми не отпустит из этой «специальной операции» России. После этого приезжал сам Пушилин и всячески нас успокаивал, наобещал золотых гор, а все и снова повелись.

О новых боях в ЛНР. «Там, в полях Луганщины, мы похоронили много товарищей»

Мы заходили в Попасную[6] уже после ее зачистки,

бои за нее шли, когда я был в Мариуполе. Несмотря на освобождение города, мы ее называли «Попасная — опасная». Враг уже был отброшен на четыре километра на север. С этого расстояния по нам стреляли тяжелым вооружением.

Когда Попасную прошли, мы двигались дальше на север. Остановились у Лисичанска. Хочу отметить, что бои в ЛНР мне показались, по сравнению с курортным Мариуполем, намного ожесточеннее.

Там, в полях Луганщины, мы похоронили много своих товарищей. Из около 90 человек роты на позициях осталось не больше десяти человек.

О будущем. «Война уже не закончится. Уже все проиграли»

Если бы я знал тогда, что это были пустые угрозы об уголовной ответственности, послал бы всех, получил бронь, пошел бы на курсы вождения, женился бы в конце весны. Эта история мне показала, что нужно ценить то, что имеешь.

На данный момент это бессмысленная война. Здесь человеческий фактор мало что решает. Вести войну в XXI веке такими методами недопустимо. На данный момент все решает авиация и артиллерия.

Каждый день у меня всплывает вопрос: «Как я туда попал?». Как выйти из этой игры, не знаю.

Война уже не закончится. Так и нет войны. Это все «специальная операция». Уже все проиграли.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Спецподразделение, входящее в структуру Народной милиции — так называются вооруженные силы ДНР.
2. Село на полпути между Донецком и Волновахой, к 24 февраля 2022 года находилось под контролем ДНР.
3. «Оркестром» часто называют подразделения «ЧВК Вагнера», а воюющих там бойцов — «музыкантами».
4. Индивидуальный перевязочный пакет — стерильный комплект для перевязки ран и ожогов при оказании первой медицинской помощи.
5. Собственно, «говядина» на украинском языке.
6. Город на западе Луганской области, который российские войска захватили в начале мая.